

ОТЗЫВ
на автореферат диссертации доктора филологических наук
Владимира Николаевича Грекова «Коммуникативные особенности философской
публистики славянофилов (1830–1860 гг.)»

Автором рецензируемого исследования предложен новый, продуктивный подход к интерпретации текстов, имеющих эссеистический характер, пребывающих на грани художественной литературы и философствования. Тексты рассматриваются как послания, в сети коммуникативной системы, предполагающие персонифицированных участников – автора, адресата, наблюдателя, персонажа, а также, поскольку и в какой мере речь идет о практических последствиях, исполнителя предложенной программы. Заметим, что такой подход, уже давно испытанный в музыковедении (напомним понятие «направленности формы на восприятие» Б.В. Асафьева), оказывается существенной новизной применительно к словесности.

Избранный в качестве материала корпус славяноильских текстов принадлежит к той категории, которая «рассчитана на интуицию» (с. 4), что определяет особую значимость соответствующих наблюдений. В частности, особой задачей становится раскрытие подтекста. Анализ коммуникативной динамики позволил автору вскрыть такие неведомые ранее явление, как «кризис доверия», «кризис выражения» (с. 13). Интересно и наблюдение о том, что «власть фактически десакрализуется» (с. 14), согласное с оппозиционностью рассматриваемой публистики.

Структура работы вполне обоснована: в первой главе характеризуется коммуникативное пространство, даются «портреты» его ведущих «партнеров», следующая глава посвящена реконструкции познавательных установок, восстанавливаемых как ведущие особенности славяноильской публистики, наконец, завершающая глава предлагает коррективы, вносимые в уже известную картину историософии, которые вскрывает коммуникативный анализ. Для позиционирования образа авторов в коммуникативном поле показательно приводимое заявление И.Аксакова, назвавшего ««чудовищным» даже предположение о его «возможном союзе» с правительством» (с. 15). Тем самым в игру вводится и комплекс конспиративных представлений наряду с отмечаемой автором эсхатологией (с. 16). Апология бытия («возможно отыскать поэзию в действительности», с. 17), с одной стороны, повествовательная стратегия, которая «растравляет исторические раны» (с. 19), с другой отмечают грани дискуссии. Примечателен анализ цензурных материалов, свидетельствующих, что «всякое упоминание о самостоятельности народа, об общине и общем укладе раздражает цензора», что К. Аксаков «касается таких сюжетов, которые кажутся цензуре неудобными» (с. 20), в результате чего «цензура превращала литературный текст в публицистический» (с. 21). Так коммуникативный кризис влечет последствия жанрового плана.

Во второй главе автор обращается к одному из наиболее дискуссионных и одновременно широко используемых понятий когнитивной лингвистики – концепту, и прослеживает пути его переосмыслиния как образа. В этом плане очень интересно наблюдение, что «образ ... укрупняет явление, делает мысль предметной, выполняя ту же функцию, что смена плана в художественной прозе» (с. 21). Показательно, что «концепты как логические элементы подчиняются образному началу» (с. 22). Это наблюдение представляет собой дополнительный аргумент в дискуссиях относительно целесообразности широты использования данного понятия. С этим тезисом согласуется учение славянофилов о том, что «цельность и совершенство закладываются в повседневной жизни» (с. 22), что само уже влечет за собой необходимость образного осмыслиения таких обстоятельств. Уместно и упоминаемое в этой связи требование разоблачения лжи (с. 23), которое можно понимать и как отвержение ложных концептов или «псевдопроблем». Интересно найденное автором противопоставление «народ -

публика» (с. 24), которое на полвека опередило предложенную Теннисом пару «община - общество», так же как учение о «живой жизни» (с. 26) согласуется с философией жизни. Переход от концептов к образам удачно связывается автором с традицией апофатической теологии как «сознание невыразимости, внутренней тайны» (с. 27) – или, добавим, проблематичности содержания как альтернативы «готовому знанию».

Историософская проблематика, освещаемая в заключительной главе, дает автору возможность для очень ценного наблюдения относительно того, как специфическая трактовка романтической народности влечет за собой «мотив забвения, исторической амнезии» (с. 29), вызванный к жизни именно дискуссионными, коммуникативными обстоятельствами. Тем самым вводится и «оборотная сторона народности - лженародность» (с. 29) – проблема, актуальность которой в условиях распространения симуляции очевидна. Можно прямо к современности отнести такое наблюдение автора: «Мнимости и ложь показаны через такие образы как маскарад, перерождение, подобия» (с. 29). То же можно сказать и об учении «три фазы лжи». Печать коммуникативной ситуации полемики лежит и на представлениях эпической модели мира, на учении о народе как демиурге – «культурном герое».

Таким образом, работа содержит много ценных наблюдений и выводов, позволяющих говорить о воздействии коммуникативной ситуации на содержательные аспекты публицистики. Возможны также некоторые уточнения. Понятие символического или культурного производства П.Бурдье, используемое в работе, является преобразованием хорошо известного в постсоветском поле гегелевско - марксовского понятия «производства идей». Для раскрытия подтекста можно было бы привлечь понятие криптотипа, введенное в лингвистику Уорфом и развитое недавно в исследованиях О.О.Борискиной и А.А. Кретова. Однако эти частности только подчеркивают очень высокое качество работы, безусловно отвечающей требованиям к докторским диссертациям.

Доктор искусствоведения,
член-корреспондент
Академии Искусств Украины,
заведующий отделом театроведения
Институт искусствоведения,
фольклористики и этнологии НАН Украины

